

А. Соколов

**Практическое руководство для судебных
следователей**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Соколов**
Практическое руководство для судебных следователей: Том 3 / А. Соколов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 42 с.

ISBN 978-5-458-11877-4

Практическое руководство для судебных следователей сост. член Виленского окружного суда А. А. Соколов. Том III, выпуск 4, параграфы 6-8. "Основные принципы предварительного производства в уголовном процессе. Издано в Вильно, 1897 г.

ISBN 978-5-458-11877-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ваніи этихъ доказательствъ намѣренъ требовать вашего наказанія; если можете—представьте свои оправданія и тогда я откажусь отъ своего мнѣнія о вашей виновности. Совсѣмъ иначе опредѣляется отношеніе обвинителя къ обвиненію; тутъ уже не можетъ быть никакихъ объясненій съ лицомъ подозрѣваемымъ; обвинитель уже пришелъ къ твердому ¹⁾ убѣжденію въ виновности даннаго лица, оправданія коего признаны имъ незаслуживающими уваженія, а потому онъ предъявляетъ обвиненіе не подозрѣваемому, а суду. Уже самое опредѣленіе понятія объ обвиненіи (выше приведенное) доказываетъ, что оно можетъ быть предъявлено только суду, и притомъ не иначе, какъ путемъ предъявленія уголовного иска; обвиненіе безъ уголовного иска немислимо; съ другой стороны и уголовный искъ безъ обвиненія также немислимъ; моментомъ предъявленія уголовного иска опредѣляется также моментъ предъявленія суду обвиненія. Еще менѣе основаній отождествлять понятіе объ обвиненіи, какъ части уголовного иска, съ понятіемъ о публичномъ обвиненіи передъ судомъ. Замѣтимъ прежде всего, что самое выраженіе это—публичное обвиненіе передъ судомъ: а) несогласно съ указаннымъ выше теоретическимъ понятіемъ объ обвиненіи; б) не выражаетъ съ точностью сущности публичной дѣятельности обвинителя передъ судомъ, и—в) не согласно съ нашей законной терминологіей, такъ какъ ст. 4 уст. угол. суд. говоритъ объ „обличеніи обвиняемыхъ передъ судомъ“, а не объ обвиненіи ихъ передъ судомъ; поэтому, выраженіе это, хотя-бы и усвоенное практикою, какъ неимѣющее никакого основанія и только вносящее излишнія затрудненія, должно быть отброшено. Но и обличеніе обвиняемыхъ передъ судомъ также не можетъ быть отождествляемо съ обвиненіемъ. Обличать обвиняемаго значитъ обнаруживать или доказывать его виновность; доказывать же значитъ развивать основанія справедливости сужденія ²⁾ о его виновности, съ цѣлью убѣдить судью въ основательности обвиненія; слѣдовательно, обличеніе представляется лишь однимъ изъ способовъ добиться судебного признанія основательности обвиненія. Что же касается понятія объ уголовномъ преслѣдованіи, то, оставляя въ сторонѣ разборъ массы высказанныхъ по этому пред-

¹⁾ Но не безповоротному: убѣжденіе его еще можетъ измѣниться по повѣркѣ доказательствъ на судебномъ слѣдствіи.

²⁾ Глазеръ—Руковод. по угол. процес., вып. 2 т. I, стр. 7.

мету мнѣній ¹⁾, остановимся лишь на объясненіяхъ Бентама и Квачевскаго. По мнѣнію перваго изъ нихъ „обвинителемъ или преслѣдователемъ преступленій называется лицо, которое беретъ на себя розысканіе, приведенія въ порядокъ и развитіе доказательствъ, отысканіе свидѣтелей, допросъ ихъ, которое, однимъ словомъ, беретъ открытъ несомнѣнность преступленія и найти виновника его“ ²⁾. Отсюда можно заключить, что по мнѣнію Бентама понятіе объ уголовномъ преслѣдованіи ограничивается предѣлами дознанія и розыска въ смыслѣ нашихъ опредѣленій этихъ понятій. Но, во первыхъ, объясненія эти исключаютъ изъ понятія объ уголовномъ преслѣдованіи, очевидно, не менѣе существенную составную часть его, именно уголовный искъ, а во вторыхъ, нѣтъ никакого основанія отождествлять понятіе съ обвинителѣ съ понятіемъ о преслѣдователѣ преступленій и преступниковъ, такъ какъ обвинителемъ можетъ быть только лицо, закономъ на то уполномоченное, смотря по той или другой системѣ обвиненія, а въ уголовномъ преслѣдованіи, какъ уже объяснено въ § 5, могутъ и должны принимать участіе и частныя лица, если они, по обстоятельствамъ даннаго дѣла, могутъ быть полезны въ интересахъ преслѣдванія. Съ другой стороны, г. Квачевскій отождествляетъ понятіе объ уголовномъ преслѣдованіи съ понятіемъ уголовного иска ³⁾. Но, во первыхъ, уголовный искъ, хотя и основывается на данныхъ дознанія и розыска, входящихъ въ составъ понятія объ уголовномъ преслѣдованіи, но не исчерпываетъ всю дѣятельность по производству дознаній и розысковъ; во вторыхъ, дѣятельность частныхъ лицъ, участвующихъ въ преслѣдованіи, но не имѣющихъ права уголовного иска, какъ уже замѣчено, не находитъ своего выраженія, если это отождествленіе правильно; въ третьихъ, преслѣдованіе преступниковъ продолжается и за предѣлами уголовного иска. По эти-

¹⁾ Монтескье — Духъ Законовъ, ч. 3, стр. 195; Бентамъ — О судоустройствѣ, стр. 80; Герингъ — Борьба за право, по общему выводу; Беко — Организациа угол. вѣст., стр. 252; Глазеръ — Руковод., вып. 1, т. I, стр. 20, 24 и др.; Фойницкій — Курсъ, ст. I стр. 78, 81, 174 и др., и т. II, стр. 4, 8, 9 и др.; Муравьевъ — Прокур. надзоръ, стр. 96, 97 и др.; Чобышевъ — Дмитріевъ — Русск. угол. суд., стр. 181 и слѣд.; Случевскій — Учебникъ, стр. 536 и слѣд.; Тальбергъ — Русск. угол. суд., т. II, стр. 28; Сергѣевскій — Русск. угол. суд., по лекціямъ В. Ю. Академіи, стр. 83, 85 и др.; Квачевскій — ч. 1, стр. 47 и слѣд.; Мазалинскій — Прак. руков. для судеб. слѣд., т. I, стр. 34 и 36.

²⁾ О судоустройствѣ, стр. 81.

³⁾ Объ уголов. преслѣд., ч. 1, стр. 47.

мологическому понятію преслѣдовать что, кого, значитъ: настигать слѣдомъ, гнаться по слѣдамъ, пускаться въ погоню, стараться догнать и поймать или *достигать известной цѣли*¹⁾; поэтому, и въ виду намѣченныхъ соображеній, представляется правильнымъ признать, что если преслѣдовать значитъ стараться достигнуть известной цѣли, то понятіе объ уголовномъ преслѣдованіи будетъ равносильно понятію о стараніи достигнуть цѣлей уголовного процесса (а не одного только иска) или, точнѣе, уголовного правосудія; такимъ образомъ, *подъ именемъ уголовного преслѣдованія слѣдуетъ понимать совокупность всей дѣятельности къ достиженію цѣлей уголовного правосудія, съ перваго момента проявленія этой дѣятельности и до исполненія приговора включительно*. Поэтому, *возбудить уголовное преслѣдованіе значитъ выразить въ установленномъ закономъ порядкѣ первое распоряженіе, направленное къ достиженію цѣлей уголовного правосудія, а это первое распоряженіе можетъ быть выражено только въ формѣ постановленія о признаніи законности повода къ проявленію дѣятельности по обнаруженію преступленій* (стр. 25); *моментомъ составленія этого постановленія опредѣляется и моментъ возбужденія уголовного преслѣдованія*. Въ разъясненіе этихъ положеній нелишне объяснить, что преслѣдованіе преступника немислимо помимо преслѣдованія также и преступленія, имъ совершеннаго (стр. 42); оба эти понятія обусловливаютъ другъ друга и связаны между собою столь неразрывно, что представляется невозможнымъ говорить о преслѣдованіи преступника независимо отъ преслѣдованія совершеннаго имъ преступленія; но, дѣятельность по уголовному преслѣдованію направляется прежде всего на преступленіе, а затѣмъ уже переходитъ на преступника (стр. 46 и 64); однако, если возбуждается преслѣдованіе даннаго преступленія при условіи полнаго отсутствія какихъ либо свѣдѣній о лицѣ преступника, то во всякомъ случаѣ это все же значитъ, что возбуждается преслѣдованіе не только противъ преступленія, но и противъ неизвѣстнаго еще преступника; а разъ преслѣдованіе уже возбуждено, то за симъ, по удостовѣреніи личности преступника, возможно говорить только о привлеченіи обнаруженнаго преступника къ отвѣтственности (стр. 67 и слѣд.), а не о возбужденіи противъ него преслѣдованія, независимо, будь то бы, отъ преслѣдованія совершеннаго имъ преступленія.

Чтобы оправдать это отступленіе въ интересахъ разъясненія терминологіи, приведемъ слѣдующія слова Бентама: „Кто

¹⁾ Даль, тамъ же, т. III, изд. 82 г., стр. 408.

задумывался на значеніе *идей* хорошо знаетъ, насколько они зависятъ отъ *словъ*. Неточныя выраженія это цѣпи, приковывающія людей къ неблагоразумнымъ поступкамъ. Разсѣять заблужденіе труднѣе всего, когда оно коренится въ языкѣ. Всякое неточное выраженіе заключаетъ зародышъ обманчивыхъ положеній; оно образуетъ облако, которое скрываетъ свойство вещей и часло служитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ розысканію истины¹⁾. Если мы приводимъ здѣсь эти объясненія „героя логики“, какъ называетъ Бентама Робертъ Моль²⁾, то конечно не для того, чтобы сказать этимъ что нибудь въ пользу нашего мнѣнія, быть можетъ и ошибочнаго, а только для того, чтобы указать на дѣйствительно существующее облако, которое можетъ быть разсѣяно лишь путемъ возвращенія къ старинному термину „*уголовнаго иска*“, вмѣсто новаго — „*обвиненія*“.

Значительная часть правъ по уголовному преслѣдованію, въ широкихъ предѣлахъ этого понятія согласно нашему опредѣленію, принадлежитъ, въ той или другой мѣрѣ, всѣмъ частнымъ и должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ (стр. 110); но, *входящее также въ составъ понятія объ уголовномъ преслѣдованіи, право предъявленія уголовного иска принадлежитъ одной только обвинительной власти, въ рукахъ которой сосредоточивается вся полнота власти по уголовному преслѣдованію* (стр. 111)³⁾. *Право предъявленія уголовного иска не можетъ быть предоставлено всѣмъ и каждому по тѣмъ самымъ основаніямъ, которыя уже привели къ признанію господствующаго начала государственнаго обвиненія, изъ коего частное обвиненіе составляетъ исключеніе, ограниченное тѣсными предѣлами, и въ развитіе уже высказанныхъ поэтому предмету массы соображеній мы ничего сказать не имѣемъ. Съ другой стороны, право обвинителя на предъявленіе уголовного иска ограничивается,*

¹⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 93.

²⁾ Четвертая страница предисловія издателей „Избранныхъ сочиненій Геремія Бентама“, изд. 67 г.

³⁾ На стр. 105—106 мы уже сказали, что обвинительная власть входитъ въ самое существо понятія о власти полицейской. Г. Фойницкій признаетъ (тамъ же, стр. 78): „Право уголовного преслѣдованія есть функція исполнительной власти“; въ выноскѣ на той же страницѣ онъ приводитъ слова „Gneist'a (Vier Fragen, стр. 17): „уголовное преслѣдованіе по существу своему есть функція полицейская“, и—объясняетъ, что у насъ тоже мнѣніе высказано Головачевымъ.

во первых, правомъ суда отказать въ принятіи иска, и, во-вторыхъ, право заинтересованныхъ лицъ добиваться обвиненія не смотря на нежеланіе обвинительной власти предъявить уголовный искъ. Необходимость этихъ ограниченій, насколько намъ извѣстно, признается всѣми. Мы уже имѣли случай указать на строгій порядокъ вчинанія уголовныхъ исковъ въ римскомъ процессѣ классической его эпохи (стр. 47, вын. 1-я), а по мнѣнію Бенгема предоставить обществу обвинителю исключительное право возбуждать преслѣдованія, значило бы „предоставить ему неограниченную власть надъ всѣми уголовными законами. Имѣть исключительное право предпринимать преслѣдованіе преступленій въ сущности значитъ имѣть право оставлять законы неисполненными. Если всякое обвиненіе можетъ быть предпринято только имъ, то онъ обладаетъ безусловнымъ правомъ прощенія, и это прощеніе въ сущности даже гораздо дѣйствительнѣе королевскаго помилованія... Предоставить исключительно обществу обвинителю право открывать или преграждать доступъ въ судъ значитъ предоставить ему или его начальникамъ право прекращать дѣйствіе законовъ и по произволу отказывать въ правосудіи, кому они захотятъ“¹⁾. Глазеръ обращаетъ также особое вниманіе на „требованіе охраненія личности отъ произвольнаго, злоумышленнаго или неосмотрительнаго возбужденія уголовного преслѣдованія и отъ неосновательныхъ обвиненій“.²⁾ И нашими Судебными Уставами уже признана „необходимость ограничить, по возможности, произволъ въ привлеченіи кого либо къ уголовному преслѣдованію. Съ этой цѣлью постановлено, что обвиняемый становится на судъ не прежде, какъ по удостовѣреніи въ установленномъ порядкѣ, что обвиненіе, на него взводимое не лишено основанія“³⁾... Право прокурора ставить на судъ обвиняемыхъ имъ лицъ помимо гарантій основательности обвиненія „дало бы прокурорамъ право безотчетно по одноличному своему усмотрѣнію, возбуждать и прекращать самыя тяжкія обвиненія, а общество лишило бы по этимъ обвиненіямъ существеннаго обезпеченія противу легкомысленнаго привлеченія къ судебной отвѣтственности. Подобное расширеніе предѣловъ власти прокурора было бы противно и тому началу, по которому предоставляется прокурору власть возбужденія и

¹⁾ О судоустройствѣ, стр. 86 и 87.

²⁾ Тоже Руководство т. I, стр. 38.

³⁾ Уст. угол. суд. изд. Гос. Канц., стр. 198.

преслѣдованія преступленій, безъ уполномочія его на *произвольное* распоряженіе этимъ преслѣдованіемъ, безъ представленія уголовного иска на безусловное его усмотрѣніе, и тому соображенію, что по болѣе важнымъ дѣламъ *рѣшеніе вопроса: есть ли достаточныя улики, чтобы посадить человека на позорную скамью обвиняемыхъ, общество можетъ и должно ожидать ни отъ обвинителя и стороны, но отъ безпристрастной камеры обвиненія.* По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, съ признаніемъ обряда преданія суду существенною гарантіею отъ *лежкомысленнаго* привлеченія къ судебной отвѣтственности,—гарантіею, необходимою цѣлсму обществу... Равнымъ образомъ, несправедливо расширять въ обрядѣ преданія суду власть прокурора обвинителя, распространеніемъ *опаснаго его права* требовать обвиняемаго къ суду по личному своему усмотрѣнію¹⁾. Если прибавить къ этому еще необходимость огражденія не только обвиняемыхъ, но и „жителей отъ напрасныхъ притѣсненій и безпокойствъ²⁾“, а казны отъ напрасныхъ расходовъ, то придется признать не право суда, а *обязанность* его отказать въ принятіи неосновательнаго иска. Нелишне однако же замѣтить здѣсь, что по нашимъ судебнымъ уставамъ, такимъ образомъ, гарантіей противъ неосновательнаго обвиненія признается одинъ только *порядокъ преданія суду обвинительною камерою*; но этотъ стадіумъ уголовного процесса логически не вытекаетъ изъ природы именно обвинительнаго или состязательнаго процесса; онъ *можетъ быть, можетъ и не быть въ этомъ процессѣ, безъ нарушенія его идеи.* Порядокъ этотъ представляется необходимымъ, если отношенія обвинительной власти къ суду опредѣляются положительнымъ правомъ на основаніи ложныхъ началъ; въ противномъ же случаѣ ничѣмъ нестѣсняемое право суда отказать въ принятіи иска исключаетъ необходимость этого порядка. Правда, что право суда такого отказа въ принятіи иска ведетъ къ признанію права обвинительной власти обжаловать этотъ отказъ въ ту же обвинительную камеру; но, кажется намъ, что въ такомъ случаѣ обвинительная камера замѣняется уже простою апелляціонною инстанціею. Во всякомъ случаѣ мы признаемъ, что обрядъ преданія суду обвинительною камерою не можетъ замѣнить права суда отказать въ принятіи иска; одно другаго не исключаетъ и одно другимъ замѣнено быть не можетъ, такъ какъ осно-

¹⁾ Тамъ же, стр. 198 и 199.

²⁾ Тамъ же, стр. 114.

ванія тѣхъ правъ суда и обвинительной камеры различны: судъ, отказывая въ принятіи *иска*, не лишаетъ обвинителя возможности, путемъ обжалованія отказа, добиваться разрѣшенія обвиненія по существу, а обвинительная камера, отказывая въ признаніи основательности *обвиненія*, тѣмъ самымъ оправдываетъ обвиняемаго *помимо судебной повѣрки доказательствъ*; на оборотъ, судъ принимая *искъ* только лишь предоставляетъ обвинителю доказать основательность обвиненія путемъ повѣрки доказательствъ, а обвинительная камера, принимая *обвиненіе*, или, что тоже, предавая обвиняемаго суду, предрѣшаетъ обвиненіе; права суда основаны на понятіи объ *искѣ* и логически вытекаютъ изъ этого понятія, а права обвинительной камеры основаны на понятіи объ *обвиненіи* и вытекаютъ изъ принципа огражденія личности отъ неосновательныхъ обвиненій, такъ какъ обвиненіе не можетъ быть предоставлено въ безконтрольное распоряженіе обвинителей; но это огражденіе со стороны той же обвинительной власти; если на основаніи опредѣленныхъ обстоятельствъ дѣла суду будетъ предъявленъ не воплѣтъ основательный уголовный *искъ*, то судъ откажетъ въ принятіи *иска съ изложеніемъ мотивовъ своего отказа въ особомъ опредѣленіи*; если же на основаніи тѣхъ же обстоятельствъ дѣла, или по тому же дѣлу, обвинительной камерѣ будетъ предъявлено *обвиненіе*, то она предпочтетъ предоставить присяжнымъ обсудить основательность этого обвиненія, т. е. предастъ обвиняемаго суду *безъ оправданія такого распоряженія мотивами особаго о томъ опредѣленія*; предварительная оцѣнка основательности *иска* лежитъ на судѣ и судебной власти, предварительная же оцѣнка основательности *обвиненія* лежитъ на обвинительной камерѣ, какъ высшей инстанціи той же обвинительной власти, которая и предъявляетъ обвиненіе. Отсюда понятно почему и въ практикѣ нерѣдко бываетъ, что обвинительная камера передаетъ суду, а судъ даже коронный, не говоря уже о присяжныхъ засѣдателяхъ, предавшаго суду оправдываетъ, навлекал на себя пресловутыя нареканія въ „*оправдательныхъ приговорахъ*“ (ст. 17). Право суда отказать въ принятіи *иска* есть не только лучшая гарантія противъ неосновательныхъ обвиненій, но также и лучшее огражденіе присяжныхъ засѣдателей отъ неосновательныхъ также нареканій въ неосновательныхъ, будто бы, оправдательныхъ приговорахъ; эти три понятія связаны между собою очень тѣсно; оправдательные вердикты присяжныхъ засѣдателей, доказываютъ только, что присяжные засѣдатели относятся строже къ оцѣнкѣ основаній обвиненія, чѣмъ обвинительная камера къ оцѣнкѣ основаній къ преданію суду; прибавьте къ этому, что при-

сяжные засѣдатели могутъ, и даже обязаны, приниматьъ въ расчетъ „житейскую правду“, а обвинительная камера, какъ учрежденіе обвиненія, а не иска, не имѣетъ того же права, и вы получите полное оправданіе *всѣхъ* оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей. Что же касается затѣмъ права заинтересованныхъ лицъ добиваться обвиненія, несмотря на отказъ обвинительной власти предъявить и поддерживать уголовный искъ, то поэтому прему укажемъ на Беко, который признаетъ, что— *„Не прокурору принадлежитъ власть призванія личности къ суду... Дѣятельность прокурора въ уголовныхъ дѣлахъ совершается подъ двойнымъ контролемъ императорскаго суда: если прокуроръ хочетъ предъявить присяжнымъ свое обвиненіе, онъ долженъ получить на это согласіе суда; если онъ желаетъ прекратить преслѣдованіе, судъ можетъ принудить его къ веденію дѣла. Судъ, такимъ образомъ, имѣетъ власть остановить обвиненіе или принудить къ нему“*¹⁾. По вопросу о правѣ обвинительной власти воздержаться отъ преслѣдованія необходимо также принять во вниманіе положеніе г. Фойницкаго, который признаетъ, что— „начала законности и цѣлесообразности столь различны между собою, что соединеніе ихъ въ дѣятельности однихъ и тѣхъ же органовъ логически невозможно“²⁾. *Вопросъ же о средствахъ къ понужденію обвинительной власти вопреки ея желанію предъявить и поддерживать искъ, согласно основательному требованію заинтересованныхъ въ томъ лицъ, разрѣшается на основаніи общихъ началъ: разъ между обвинительною властью и заинтересованнымъ лицомъ возникаетъ пререканіе объ основательности иска въ данномъ случаѣ, а предварительное разрѣшеніе вопроса объ основательности этого иска зависитъ отъ суда, то, очевидно, отъ суда же зависитъ и разрѣшеніе того пререканія;*³⁾ съ другой стороны, если судъ объявляетъ представителю обвинительной власти, что онъ приметъ искъ и дастъ ему дальнѣйшее законное направленіе, буде искъ этотъ будетъ предъявленъ, а представитель обвинительной власти, тѣмъ не менѣе, не хочетъ предъявить его, то такой представитель, какъ идущій въ разрѣзъ съ интересами общественнаго блага (о чемъ ниже мы еще будемъ говорить), долженъ быть устраненъ отъ должности публичнаго обвинителя,

1) Организациа уголов. вст., стр. 254.

2) Тотъ же Курсъ т. I, стр. 83.

3) См. Фойницкаго, тамъ же, т. I, стр. 87, по вопросу о разрѣшеніи судомъ жалобъ на прокуратуру, для огражденія правъ частныхъ лицъ.

какъ лицо, неудовлетворяющее требованіямъ службы въ рядахъ борцовъ права съ неправомъ.

Тотъ же Бентамъ объясняетъ: „Частная несправедливость не можетъ быть опасна для спокойствія государства; но общее безпокойство, общее недовѣріе могутъ поднять бурю и все перевернуть вверхъ дномъ. Законодатель долженъ вселять въ народѣ глубокое чувство безопасности“¹⁾. Вотъ эта та обязанность законодателя вселять въ народъ глубокое чувство безопасности и приводитъ къ необходимости признать право суда отказать публичному или частному обвинителю въ принятіи къ судебному разсмотрѣнію предъявленнаго ими иска. Мы уже видѣли, что въ силу требованія принципа неизбѣжности наказанія, права обвинителей по производству дознаній и розысковъ почти неограничены, или, вѣрнѣе сказать, ограничены только правомъ жалобъ со стороны заинтересованныхъ въ томъ лицъ, а между тѣмъ, по словамъ Bigot de Preameneu, — „всѣ граждане должны бы трепетать, если одно и то же лицо будетъ уполномочено и обвинять, и собирать доказательства обвиненія“²⁾. Полагаемъ однако же, что при условіи правильнаго опредѣленія отношенія обвинителей къ суду опасенія эти не могутъ быть признаны заслуживающими уваженія; достаточно сказать, что вѣдѣ и въ настоящее время обвинитель далеко не безучастенъ въ дѣлѣ собиранія доказательствъ, и въ настоящее время онъ обвиняетъ далеко не по однимъ только тѣмъ доказательствамъ, которыя даны ему другимъ, а путемъ личнаго участія своего въ дознаніи и розыскѣ, путемъ непосредственныхъ распоряженій услугами полиціи и путемъ предложеній далеко не самостоятельной современной слѣдственной власти, онъ имѣетъ полную возможность, по меньшей мѣрѣ въ личномъ своемъ присутствіи, собрать всѣ тѣ доказательства, какія только признаетъ нужнымъ имѣть въ своихъ рукахъ. На это намъ могутъ замѣтить: въ томъ то и дѣло, что все таки же обвинитель не самъ собираетъ доказательства, не собственною властью и не самолично, а опасность совмѣщенія въ одномъ лицѣ права обвиненія съ правомъ собирать доказательства именно и заключается въ томъ, по замѣчанію Камбасереса, что лицу, производящему преслѣдованіе, трудно сохранить безпристрастіе также и при изслѣдованіи преступленія.³⁾ Но, если обвинитель не

¹⁾ О судоустройствѣ, стр. 142.

²⁾ Муравьевъ — Прокурорскій надзоръ, стр. 96.

³⁾ Тамъ же, стр. 96.

болѣе какъ сторона въ уголовномъ процессѣ, если онъ предъявляетъ суду не *обвиненія*, какъ обязательные поводы именно судебного разсмотрѣнія дѣла, а обращается къ суду только съ *исками*, въ принятіи коихъ судомъ можетъ быть ему отказано, то и нѣтъ основанія требовать отъ него несвѣдѣтельнаго дѣятельности его безпристрастія (стр. 24), мы вправѣ требовать отъ него только добросовѣстности, и при томъ подъ угрозою отвѣтственности за искъ недобросовѣстный¹⁾. Въ противномъ случаѣ, если признавать за предъявляемыми суду, въ формѣ обвинительныхъ актовъ или частныхъ жалобъ, обвиненіями значеніе обязательныхъ во всякомъ случаѣ поводовъ къ судебному разсмотрѣнію дѣла, т. е. если признавать за ними значеніе судебныхъ актовъ о преданіи суду, то, безъ сомнѣнія, придется согласиться съ Беккариемъ, который отдаетъ преимущество слѣдственной формѣ процесса передъ обвинительной именно потому, что усматриваетъ непримиримое противорѣчіе въ томъ порядкѣ вещей, когда для того—„чтобы кто либо могъ доказать свою невинность онъ долженъ быть прежде объявленъ преступникомъ“²⁾, т. е. долженъ обязательно сѣсть на позорную скамью подсудимыхъ, которая, по мнѣнію составителей нашихъ Судебныхъ Уставовъ, не менѣе позорна, какъ и актъ предавія суду³⁾. Именно такое то признаніе за обвиненіями не принадлежащаго имъ значенія и привели Беккариа къ необходимости объявить, что „истинный процессъ—процессъ слѣдственный“⁴⁾; однако же ошибочность этого мнѣнія въ настоящее время уже не требуетъ доказательства.

Бъ виду изложенныхъ соображеній слѣдуетъ признать за общее правило, что *судъ обязанъ отказать обвинителю въ судебномъ разрѣшеніи предъявленнаго имъ иска*, когда по предварительному судебному разсмотрѣнію основаній этого иска, можетъ объя-

¹⁾ По тому же словарю Даля, *безпристрастный* значитъ: равный въ судѣ своему для всѣхъ. нелюдпріимный, неумытный, нелюдпріятный, правдивый, прямой (стр. 73, т. I, изд. 80 г.); *пристрастный человекъ* тотъ, который не можетъ судить прямо по дѣлу, а всегда управляется страстями или наклонностями и обстоятельствами и судить съ пристрастіемъ (стр. 463, т. III, изд. 82 г.); *добросовѣстность* значитъ: добрая совѣсть, праводушіе, честность, правдивость, строгая богобоязненность въ поступкахъ (стр. 457, т. I, изд. 80 г.). Объ отвѣтственности за обвиненіе неосновательное (не говоря уже о недобросовѣстномъ) см. также тотъ же Курсъ Фойницкаго т. II, стр. 4.

²⁾ О преступленіяхъ, стр. 65.

³⁾ Мотивы къ 523 ст. уст. угол. суд. по изд. Госуд. Канц.

Тамъ же, стр. 66.